DOI: 10.31862/0130-3414-2021-1-67-79

О.Б. Кафанова

**Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций,
199106 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Перевод как средство актуализации классики

Аннотация. Классическая русская литература является достоянием всего мира. В рецепции литературы за рубежом перевод становится первичным условием ее известности. Поэтому очень важен сам факт обращения переводчиков к классическим произведениям; не менее важно и качество этих переводов. В основе исследования лежит сравнительно-сопоставительный анализ современных французских переводов лирики С.А. Есенина, а также двух немецких переводов «Записок охотника» И.С. Тургенева. В статье выявляются переводческие принципы и приемы, направленные на воспроизведение художественной стилистики оригинала, трудной для восприятия иностранцев в связи с обилием специфических реалий. В поле зрения переводчика попадает макроконтекст литературного произведения, к которому относятся эпоха, в которую произведение было создано, социальное, политическое и культурное состояние общества, общественное сознание, биография и система морально-эстетических воззрений его автора и т.д. Художественный текст, в отличие от других типов текстов, отличается высокой степенью национально-культурной и временнóй обусловленности. Представленные примеры демонстрируют актуализацию русской классики за рубежом. Анализ последних французских переводов лирики С.А. Есенина (двуязычные антологии А. Абриля и Х. Муза) и двух немецких перевода «Записок охотника» (П. Урбана и В. Бишицки) можно использовать как на уроках литературы, так и во внеклассной работе. Этот материал нужен для раскрытия мирового значения русских классиков и их популярности за рубежом. Обращение к переводческой деятельности может стать одним из методических приемов преподавания литературы.

Ключевые слова: перевод, русская классика, сравнительно-сопоставительный анализ, актуализация русской классики за рубежом, мировое значение русской литературы

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-013-00684 «Классика в диалоге с современностью: теоретические и методические аспекты изучения русской литературы»

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Кафанова О.Б. Перевод как средство актуализации классики // Литература в школе. 2021. № 1. С. 67–79. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-1-67-79

© Кафанова О.Б., 2021

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-1-67-79

O.B. Kafanova

**Saint-Petersburg Institute for Business and Innovation,
Saint-Petersburg, 199106, Russian Federation**

Translation as a means of classics actualization

Abstract. The Classical Russian literature is belongs to the whole world. In the reception of literature abroad, translation is the primary condition for its popularity. Therefore, the very fact that translators turn to classical works is very important; the quality of these translations is equally important. The study is based on the comparative analysis of modern French translations of S.A. Yesenin's lyrics, as well as two German translations of I.S. Turgenev's "Hunter's Notes". The translation principles and techniques aimed at reproducing the artistic stylistics of the original, which are difficult for foreigners to perceive due to the abundance of specific realities, are revealed. The translator has to deal with the macro-context of a literary work, which includes the era in which the work was created, the social, political and cultural state of society, public consciousness, biography and the system of moral and aesthetic views of its author, etc. A literary text, unlike other types of texts, is distinguished by a high degree of national-cultural and temporal conditioning. The presented examples demonstrate the actualization of the Russian classics abroad. The analysis of the latest French translations of the lyrics by S.A. Yesenin (bilingual anthologies by A. Abril and H. Mouze) and two German translations of "Hunter's Notes" by I.S. Turgenev (by P. Urban and V. Bishitski) can be used both in literature lessons and in extracurricular activities. This material is needed to reveal the world significance of the Russian classics and their popularity abroad. Turning to translation activities can become one of the methodological techniques of teaching literature.

Key words: translation, Russian classics, comparative analysis, actualization of the Russian classics abroad, world significance of the Russian literature

Acknowledgments. The conducted research is funded through RFBR grant #20-013-00684 "Classics in a dialogue with the modernity: theory and methods aspects of studying the Russian literature"

CITATION: Kafanova O.B. Translation as a means of classics actualization. *Literature at School*. 2021. No. 1. Pp. 67–79. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-1-67-79

Классическая русская литература является достоянием не только России, но и всего мира. А в рецепции литературы за рубежом перевод – это первичное условие ее известности. Без него не может быть ни критического истолкования, ни читательского восприятия, ни творческого усвоения. Поэтому очень важен сам факт обращения переводчиков к классическим

произведениям. С другой стороны, не менее важно качество этих переводов. Именно переводчик является посредником между произведением русского автора и иностранным читателем, поэтому необходимо профессионально провести сравнение переводов.

Нами используется методология компаративистских исследований, в качестве основного метода применяется сравнительно-сопоставительный анализ современных французских переводов лирики С.А. Есенина, а также переводов «Записок охотника» И.С. Тургенева, выполненных П. Урбаном (2004) и В. Бишицки (2018), выявляются переводческие принципы и приемы, направленные на воспроизведение художественной стилистики оригинала, трудной для восприятия иностранцев в связи с обилием специфических реалий. Для более эффективного анализа нами вводятся понятия «переводческий дискурс», «художественный дискурс».

В настоящее время наблюдается изменение подходов к анализу художественного перевода. Традиционно применялись два подхода. Первый – лингвистический (А.В. Федоров, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров и др.), посвящен исследованию общих и частных вопросов художественного перевода с сугубо лингвистической точки зрения; второй – литературоведческий (И.А. Кашкин, Г.Р. Гачечиладзе, Ю.Д. Левин и др.), при котором освещается «специфика художественного перевода, связанная преимущественно с вовлечением читателя в процесс авторского мировидения и создания образов, созвучных замыслу автора оригинала» [4, с. 42].

На современном этапе развития теории художественного перевода ученые все чаще обращаются к новому понятию лингвистики – дискурсу, когда текст рассматривается в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими, прагматическими и другими факторами, он анализируется в событийном аспекте, как «речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136–137]. Литературный текст оказывается одним из звеньев социально-литературного дискурса, что приводит к закономерному выводу о том, что и в качестве объекта перевода должен выступать не просто художественный текст, а художественный дискурс. Если рассматривать художественный текст как объект перевода, в поле зрения переводчика попадает макроконтекст литературного произведения. К макроконтексту относятся эпоха, в которую произведение было создано, социальное, политическое и культурное состояние общества, общественное сознание, биография, система морально-эстетических воззрений его автора и т.д. Таким образом, понятие дискурса позволяет значительно расширить и конкретизировать возможности лингвистического и переводческого анализа [14, с. 231].

Художественный текст, в отличие от других типов текстов, характеризуется высокой степенью национально-культурной и временно́й обусловленности. Он «всегда отражает особенности того народа, представителем которого автор является и на языке которого он пишет, и того времени, в котором он живет» [11, с. 245]. Поэтому хороший переводчик должен выходить за рамки переводимого текста в широкий историко-культурный контекст. Несоответствие языковых и концептуальных картин мира автора и переводчика приводит

к межкультурной асимметрии, которая служит критерием неудачного, неадекватного перевода.

Рассмотрим два репрезентативных примера, демонстрирующих актуализацию русской классики за рубежом.

Актуальность поэзии С.А. Есенина во Франции демонстрируется на материале двух новейших переводов. Художественные тексты С.А. Есенина, несомненно, представляют большие трудности при переводе на иностранные языки. Тем не менее, во Франции в последние 15–20 лет появилось три новых сборника переводов есенинской поэзии, принадлежащих Христиану Пигетти, Анри Абрилю и Христиану Музу. Все три сборника являются двуязычными и авторскими, т.е. представляют собой подборку текстов, сделанных самими переводчиками и сопровождаемых их предисловиями (или послесловием). Это дает возможность сравнить концептуальные системы автора оригинального текста, Есенина, и переводчика.

Два первых сборника, «Дневник поэта» (*Journal d'un poète*) Х. Пигетти (Pigetti, 2004) и «Черный человек» (*L'Homme noir*) А. Абриля (Abril, 2006), имеют ярко выраженную концептуальность, которая закрепляется не только названием и соответствующей подборкой текстов, но и серьезными вступительными статьями. Х. Пигетти выстроил композицию своей книги таким образом, что подобранные им стихи и фрагменты поэм постепенно раскрывают личность, характер и душу русского поэта. Выбранное название «Дневник поэта» и выражает его намерение представить исповедь Есенина.

На основе анализа сборника А. Абриля можно сделать вывод, что переводчик достаточно хорошо прочувствовал национально-культурную и социально-историческую специфику творчества русского поэта. Подборка стихов, сделанная переводчиком, признается самой обширной на сегодняшний день на французском языке. Особо французская критика отмечает переводческое мастерство: Абриль постарался «наилучшим образом передать форму оригинала», воспроизвести «как можно точнее русскую просодию посредством метода "функциональной эквивалентности"» [17]. Его антология позволяет французскому читателю войти «в самое сердце поэзии Сергея Есенина» [22]. Еще один критик заявил, что переводчик «совершил в своем сборнике подвиг, восстановив на французском языке русскую музыку поэта, ничего или почти ничего при этом не утратив» [18].

Что касается книги Х. Муза, то в качестве некоего недостатка можно отметить отсутствие ее названия, которое бы служило выражением концепции переводчика (на обложке указаны автор, «стихотворения» и годы их создания). Если у А. Абриля вступительная статья содержит биографический, социально-исторический, политический аспекты, а также касается проблем эстетики и поэтики есенинского творчества в его эволюции, то Х. Муз ограничивается очень кратким послесловием. При этом его основной мотив связан с политикой: он начинает со сравнения судеб Есенина и Пушкина («Пушкин, раздавленный социальной машиной автократии»; «Есенин, раздавленный неумолимой властью большевиков»). Эту трагическую участь переводчик распространяет на абсолютное большинство русских творческих деятелей:

«Такова судьба многих русских поэтов, писателей и мыслителей. Литературная история, как и история русской мысли, слишком часто охватывает историю тюрем, лагерей и способов казни» [19]. Далее следует более частная, психологическая характеристика русского поэта. Автор пишет о конфликтах поэта с самим собой и со своим временем (утверждение довольно спорное) и допускает фактическую ошибку в описании смерти Есенина.

В сборнике Х. Муза 43 произведения поэта (у А. Абриля – 90), при этом он отобрал как стихи, уже переведенные предшественником, так и новые. Даже из краткого послесловия видно, что социополитическая ориентированность поэзии Есенина для переводчика важнее ее формы. Однако поэтическое творчество вообще, и Есенина в особенности, отличается музыкальностью, поэтому без внимания к просодии, ритму и рифме трудно говорить о приближении переводчика к концепции автора.

Преимущество А. Абриля очевидно в случае передачи наиболее напевных строк Есенина. Ср.:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

[8, т. 1, с. 209]

Пер. А. Абриля

Le bosquet d'or ne laisse plus entendre
Son gai babil, sa langue de bouleaux
Et dans le ciel les grues en tristes bandes
Vont sans regrets vers des pays nouveaux.

[16, с. 232]

Пер. Х. Муза

Le bosquet d'or s'est détourné
De la joyeuse langue du bouleau,
Et le grues que tristement s'envolent
Ne regrette rien ni personne.

[19]

Слова в переводе А. Абриля прекрасно ложатся на музыку Г. Пономаренко (это свидетельство точной передачи просодии, ритмики, мелодики), чего никак нельзя сказать о переводном варианте Х. Муза. В стихотворении «Ночь» ритм и напевность переданы лучше, а вот лексический состав пострадал. Ср.:

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.
Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошенных степей.

[8, т. 4, с. 16]

Nuit. Silence alentour.
Seul un ruisseau murmure.
De son éclat la lune
Argente tout autour.
Brille la rivière,
Brille le ruisselet.
Brille l'herbe des
Des steppes irriguées.

[19]

В этом случае в первой строфе переводчик нашел удачный эквивалент глагола *серебрит* – *argente*, производный от существительного *серебро* (*argent*). Но в следующей строфе он заменил этот глагол, отступая от Есенина, который закрепляет найденный образ в трех повторах,

на глагол *briller* – сверкать, блестеть. Создается совсем другая картина, не передающая освещение природы при лунном свете. Вместо мягкости и нежности оттенков у Муза *сверкает река*, *сверкает ручеек*, *сверкает трава*, словно при солнечном свете.

Подобных примеров можно было бы привести много. Несомненно, последний переводчик уступает предыдущему в своем понимании есенинской поэтики. И, тем не менее, само появление еще одной книжки есенинских стихов на французском языке можно только приветствовать. Это свидетельство укрепляющегося интереса к русскому поэту во Франции и организация своего рода переводческого соревнования, результатом которого в конечном итоге, возможно, будет более совершенное понимание художественного дискурса творчества Есенина и его более адекватное воплощение в переводческой практике.

Востребованность прозы И.С. Тургенева в Германии показана нами на основе сравнения двух переводов «Записок охотника». В 2018 г. вышел новый немецкий перевод этого цикла, приуроченный к 200-летию со дня рождения писателя: «Aufzeichnungen eines Jägers» [21]. Его автор – Вера Бишицки, немецкий славист, переводчик художественной литературы, издатель и редактор, автор статей по истории культуры, лауреат нескольких престижных премий, в том числе Международной литературной премии имени И.А. Гончарова, которая была учреждена Правительством Ульяновской области и Союзом писателей России.

В Германии известность и популярность «Записок охотника» среди немецких читателей утвердилась с середины 1850-х гг. после выхода в свет первых рассказов (1852) в переводе Августа Видерта. Последний современный перевод, сделанный известным переводчиком Петером Урбаном, вышел в Цюрихе в 2004 г. под названием «Aufzeichnungen eines Jägers» с послесловием переводчика. П. Урбан в 1990–2000-е гг. имел репутацию лучшего переводчика русской классики на немецкий язык. Он переводил Пушкина, Гоголя, Тургенева, Бунина, Бабеля, Хармса, Ерофеева, стал первым обладателем премии И.С. Тургенева, учрежденной в год 190-летия со дня рождения писателя и присуждавшейся за выдающиеся достижения в области художественного перевода русской литературы на немецкий язык. Обширные комментарии, сопровождающие оба издания, свидетельствуют о глубокой погруженности Урбана и Бишицки в философский, культурный, бытовой контекст тургеневской прозы, об их знании особенностей русского языка.

«Записки охотника» трудны для перевода на иностранные языки вследствие содержащихся в них многочисленных реалий крестьянского быта и запечатленного национально-исторического колорита. Анализ нескольких рассказов («Хорь и Калиныч», «Малиновая вода», «Бурмистр», «Мой сосед Радилов»), проделанный молодыми российскими исследователями, выявил основные переводческие приемы, использованные Урбаном. Оказалось, что именитый переводчик использовал преимущественно те приемы, которые позволяют передать стилистику тургеневского текста [2, с. 40–49]. Чаще всего он использовал функциональный аналог, под которым понимается «элемент конечного высказывания,

вызывающего сходную реакцию у читателя» [15, с. 354]. Например: *Орловский мужик живёт в дрянных осиновых избенках. – Der Orjolsche Bauer lebt in elenden Hütten*. В этом случае русская реалия *избенка*, обозначающая бедный деревянный крестьянский дом, заменяется при переводе на немецкое слово *Hütte*, т.е. маленький дом, состоящий из одного помещения.

Достаточно часто в переводах П. Урбана встречается прием транскрипции, т.е. перевода слова графическими средствами с максимально приближенным звуковым соответствием его оригинальной фонетической форме [5, с. 83]. Например: *верста – eine Werst*; *десятина – Desjatine*, *пуд – das Pud*. Этот прием Урбан применяет также при переводе реалий, связанных исключительно с традиционной русской культурой: *квас*, *балалайка*, *самовар*, *кафтан*, *казак*. Значительно реже Урбан использовал те переводческие методы, при которых невозможно полностью передать специфику реалий: иногда он прибегал к помощи родовидовой замены, применяя *гиперонимы*, которые выражают более общую сущность переводимого понятия [Там же, с. 87]. Этот метод не позволяет сохранить национально-культурный колорит подлинника: *пуховый картуз – eine warme Mütze*. Картуз на Руси обозначал мужской головной убор с жестким козырьком [10, с. 247], а лексическая единица *Mütze* имеет значение «головной убор из мягкого материала, с козырьком или без него». Утрачиваются различия при передаче национальной одежды: *сюртук*, *армяк* переводятся с помощью лексической единицы с широким значением – *der Rock*.

Еще реже Урбан прибегал к калькированию, под которым понимается заимствование иноязычной реалии путем буквального перевода слова или словосочетания [Там же, с. 85]. *Это был вольноотпущенный человек графа... – Es war der Freigelassene der Grafen*.

Довольно редко Урбан использовал замену реалии иностранного языка на реалию переводящего языка. Этот способ приводит к замещению колорита первоисточника на колорит немецкоязычного текста [5, с. 86]. Например: *Зеленое вино – Schnaps*. Реалия *зеленое вино* обозначало на Руси водку, настоянную на травах [10, с. 77], тогда как *Schnaps* представляет собой алкогольный напиток с высоким содержанием алкоголя. Наконец, чрезвычайно редко Урбан употребляет описание; это происходит только в тех случаях, когда в переводящем языке данное понятие или явление отсутствует [5, с. 88]. *В Светлое Воскресенье с ним христосовались... – Am Ostersonntag tauschte man mit ihm zwar den Osterkuß...* Глагол *христосоваться* в русской культуре означает «троекратно целоваться, поздравляя друг друга с праздником Пасхи» [10, с. 798]. В немецкой культуре такая традиция отсутствует, что делает необходимым использование приема описания.

Таким образом, анализ достоверно демонстрирует, что в абсолютном большинстве случаев Урбан использовал приемы, позволяющие сохранить реалии, воссоздающие атмосферу жизни России XIX в. Иными словами, переводчику во многом удалось воспроизвести специфику языка тургеневского текста, и тургеневская премия была ему присуждена заслуженно.

Тем не менее, В. Бишицки решилась выпустить свой перевод спустя 14 лет. Она ориентируется в большей

мере на массового читателя, которого стремится ввести в широкий контекст создания произведения и творчества Тургенева в целом. Приложение к ее переводу «Записок» составляет 90 страниц – примерно одну шестую часть всего объема книги. Оно состоит из послесловия, дополнительного послесловия к новому переводу, а также развернутых комментариев к тексту. Бишицки включила и «Письмо из Петербурга»; в нем рассказаны обстоятельства, в связи с которыми Тургенев был арестован и приговорен к двухлетней ссылке в Спасском. В обширных примечаниях-комментариях к тексту она дает не только объяснения реалий, но и говорит об особенностях русской действительности, приводит и многочисленные отрывки из писем или высказываний современников Тургенева [21].

Интересно выяснить, как в новом немецком переводе воспроизводятся реалии, которые составляют художественное своеобразие тургеневского текста. Совершенно справедливо, что Бишицки обращает внимание на орфографию имен в русском языке. Она хорошо чувствует разницу между написанием имен *Михайло* или *Михайла*, *Федор* или *Федя*; для нее существенно полное или усеченное отчество: *Иван Матвеевич* или *Иван Матвеич*, *Захар Трофимович* или *Захар Трофимыч*. Это правильное и тонкое наблюдение, поскольку та или иная форма помогает выразить разное отношение к персонажу: фамильярность, доверительность или, наоборот, официальность. С помощью транскрипции Бишицки удачно передает некоторые русские понятия, например: обращение *Batjuschka* (П. Урбан употребил в этом случае менее удачное выражение *Väterchen*, прибегая к замене реалии иностранного языка на реалию переводящего языка), *Matuschka*, *Barin*, *Domowoi*. Кроме того, она дополнительно объясняет эти понятия в своих примечаниях.

Любопытно сравнить, как в двух переводах воспроизведено специфически старорусское понятие *понёва* (в рассказе «Хорь и Калиныч»). Урбан употребил в этом случае транскрипцию *panjova*. Бишицки в развернутом комментарии объяснила, что «речь идет о непереводимом понятии». Имеется в виду пестрая юбка поверх обычной одежды замужней женщины. «К этой юбке относились также особенный головной убор и наплечный платок. В зависимости от местности (округа, уезда, деревни), достатка, количества детей и возраста обладательницы понёвы эти юбки имели различные узоры и цвета» [Там же, с. 584].

Часто реалии русского традиционного быта передаются в двух переводах одинаково, через транскрипцию: *квас*, *самовар*, *кафтан*, *рубль*, *верста*, *десятина*, *барин*. Точно так же одинаково воспроизводится реалия *лапоть* через кальку *Bastschuhe* [20, с. 11; 21, с. 12], состоящую из двух частей – *лыко* и *обувь*. Вместе с тем Урбан, стремясь к воссозданию национального колорита чаще, чем Бишицки, прибегает к приемам транскрипции и функционального аналога. Например: слово *избы* у Урбана переданы через колоритное слово *die Hütten* [20, с. 6], в то время как Бишицки употребляет лишенное стилистической окраски *Häuser* [21, с. 6]; слово *телега* Урбан воспроизводит через кальку *Telega* [20, с. 8], а Бишицки – через нейтральные лексемы *Fuhrwerk* [21, с. 8] и *Wagen* [Там же, с. 89]; *Наша закуска* – *unsere Zakuska* у Урбана [20, с. 8], *Imbiss* у Бишицки [21, с. 10].

Во всех этих случаях Урбан объясняет слова в примечаниях. Он действовал подобно самому Тургеневу, переводчику повестей Гоголя на французский язык, который стремился сохранить исторический и бытовой колорит оригинала [9, с. 214–230]. В некоторых случаях перевод Бишицки проигрывает, нивелируя колоритную стилистику подлинника. Однако, возможно, Урбан напрасно прибегнул к транскрипции слова *закуска*, которое не выражает никакой специфической реалии, но, несомненно, затрудняет восприятие немецкоязычного читателя.

Урбан, пожалуй, более удачно передает на немецкий язык просторечное устаревшее наречие *одначе* (образованное от *однако*), которое любил употреблять Полутыкин, герой рассказа «Хорь и Калиныч»; он «вместо *однако* говорил *одначе*» [13, с. 8]. Урбан нашел аналог, превратив наречие *jedoch* в *jendoch*. Ср.: «…pflegte statt *jedoch* zu sagen jendoch» [20, с. 7]. Бишицки выбрала наречие *freilich* (которое в первую очередь переводится как *конечно*, и лишь затем как *однако*): «…statt *freilich* sagte er *freili*» [21, с. 8].

Можно найти и другие примеры, в которых Урбан демонстрирует бóльшую точность по отношению к стилистике тургеневского текста. В целом уместно воспользоваться определением Б.Д. Добровольского, назвавшего переводческую стратегию Урбана «стратегией формы», которая выражается в стремлении быть максимально близким к «букве» оригинала и сопровождать сложные места детальным филологическим комментарием [7].

Вместе с тем ошибочно было бы утверждать, что В. Бишицки не заботится о формальной точности. Однако в ее переводе гораздо более ощутима «стратегия смысла»; она стремится максимально полно раскрыть «сложные места» для немецкого читателя. По-видимому, ее перевод является более легким и доступным для восприятия немецких читателей еще и благодаря богатому культурологическому комментарию.

В анализируемом рассказе «Хорь и Калиныч» переводчица использует диалог рассказчика с Хорем о необходимости распространения грамотности среди крестьян, чтобы подробнее остановиться на этом вопросе в комментарии. Для пояснения феномена «безграмотности» она цитирует письмо Тургенева от 4 сентября 1882 г. «Крестьянам села Спасского-Лутовинова»: «Дошли до меня слухи, что с некоторых пор у вас гораздо меньше пьют вина; очень этому радуюсь и надеюсь, что вы и впредь будете от него воздерживаться: для крестьянина пьянство – первое разорение. Но жалею, что, тоже по слухам, ваши дети мало посещают школу. Помните, что в наше время безграмотный человек то же, что слепой или безрукий» [12, с. 31].

Существенно расширяет контекст «Записок охотника» комментарий к рассказу «Мой сосед Радилов». В нем изображается интересный персонаж, Федор Михеич, имеющий довольно жалкий вид и занимающий в доме двусмысленное положение. По просьбе Радилова он ради развлечения гостя взял «дрянненькую скрыпку» и «пустился в пляс», а затем ему накрыли обед отдельно «на маленьком столике без салфетки», и он «начал есть, как акула» [13, с. 52–53]. Этот неопрятный старик, как выяснилось, в прошлом

преуспевающий помещик, после своего разорения нашел кров и пищу в доме Радилова. Он не называется *нахлебником*, но является именно этим типом, которому Тургенев посвятил пьесу с одноименным названием. Бишицки сочла необходимым в обширном комментарии рассказать немецким читателям, что́ подразумевается под этим понятием (*Gnadenbrotempfänger*). «За помощью» она обратилась к произведению И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», где в «Заметках об англичанах и англичанках» дается исчерпывающая характеристика «нахлебников»: «А как удивится гость, приехавший на целый день к нашему барину, когда, просидев утро в гостиной и не увидев никого, кроме хозяина и хозяйки, вдруг видит за обедом целую ватагу каких-то старичков и старушек, которые нахлынут из задних комнат и занимают “привычные места”! Они смотрят робко, говорят мало, но кушают много. И Боже сохрани попрекнуть их “куском”!» [6, с. 65–66].

Пояснения, которыми В. Бишицки сопровождает тургеневский цикл, превращают ее перевод в источник самых разнообразных сведений о русской культуре. По-видимому, не стоит сводить предпринятый анализ к однозначной оценке, лучше или нет новый немецкий перевод «Записок охотника» по сравнению с предыдущим. В любом случае этот труд востребован в сегодняшней Германии. Переводчица имеет очень высокое представление о миссии посредника между культурами: «Переводчик русского классического шедевра должен быть *polyhistor*, т.е. энциклопедистом: одновременно и русистом, и германистом, и литературоведом, и этнологом, и лингвистом, и культурологом, и историком, и биологом, порою и медиком, конечно и психологом, даже актером или, по крайней мере, чтецом – если учесть представление готовой книги на творческих вечерах... Конечно, надо быть и литератором и поэтом. И – немаловажное качество – борцом, энтузиастом и идеалистом» [3, с. 15].

Один человек, даже и очень талантливый, едва ли способен воплотить перечисленные качества. В этом смысле два немецких перевода «Записок охотника», появившихся в течение пятнадцати лет, дополняют друг друга. Налицо проявление феномена синхронической переводной множественности, выражающейся в соревновании талантливых переводчиков и в конечном итоге – в обогащении немецкой культуры.

Представленные теоретико-методологические размышления о переводе, построенные на конкретных примерах, могут стать полезным материалом для учителя-словесника. Их можно использовать как на уроках литературы, так и во внеклассной работе. Они нужны для раскрытия мирового значения русских классиков, их популярности за рубежом. Вряд ли можно говорить о международной значимости отечественной литературы, если не будет убедительных доказательств того, что ее знают, читают и ценят в других странах. Переводы являются важным аргументом.

Эффективность уроков литературы связана с продуктивной деятельностью учащихся. Обращение к переводам может стать одним из методических приемов. На таких занятиях необходимо привлекать и активизировать знания учащихся по теории и истории литературы. Следует выделить две группы приемов:

а) обратный перевод (предлагается фрагмент перевода известного текста русского классика, по которому желательно узнать имя автора и название произведения; более продуктивно такая форма работы будет проходить в классах с углубленным изучением иностранного языка);
б) прямой перевод (учащиеся могут попробовать сделать собственные переводы небольших фрагментов произведений русских классиков; при этом желательно подобрать разные текстовые элементы: пейзаж, портрет, интерьер, диалог; подобное задание предполагает сотрудничество учителей литературы и иностранного языка).

Серьезное изучение языка возможно только при обращении к художественной литературе, как это было в классических гимназиях дореволюционной России (не случайно, что все русские писатели были тогда и переводчиками, а иногда начинали свою деятельность с переводов). При этом переводы учеников можно совершенствовать, обсуждать и на их основе оформлять индивидуальные и групповые проекты.

Таким образом, в данном конкретном случае французские и немецкие переводчики делают русскую классику достоянием современного читателя за рубежом. Подобные процессы происходят не только в Европе, но и в странах Азии (особенно в Китае и Индии) или США.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. М., 2002. С. 136–137.
2. *Бабкина Е.С.*, *Стрелкова С.П.* Особенности передачи русскоязычных реалий на немецкий язык (на материале рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» и их переводов на немецкий язык) // Время науки. 2018. № 2. С. 40–49.
3. *Бишицки В.* «Считаю великим счастьем своей жизни, что я несколько приблизил свое отечество к восприятию европейской публикой». По поводу новых переводов «Записок охотника» (2018) и «Первой любви» (2018) на немецкий язык // И.С. Тургенев и русский мир: материалы международной конференции к 200-летию писателя, 29–31 октября 2018 г. М., 2018. С. 14–15.
4. *Борисенко Ю.А.* Художественный дискурс и перевод // Переводческая коммуникация в XXI веке. Дискурсивные аспекты перевода: монография. Ижевск, 2019. С. 43–75.
5. *Влахов С.И.* Непереводимое в переводе. 4-е изд. М., 2009.
6. *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. СПб., 1997.
7. *Добровольский Б.Д.* Лексические трудности перевода в лингвокультурном аспекте (на материале романа Кристы Вольф «Медея» и поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009.
8. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. М., 1995–2002.
9. *Кафанова О.Б.* Тургенев – интерпретатор и переводчик Гоголя // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. III. М.; СПб., 2012. С. 214–230.
10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 10-е изд. М., 1973.
11. *Сдобников В.В.*, *Петрова О.В.* Теория перевода. Нижний Новгород, 2001.
12. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Т. 13: Письма. М.; Л., 1968.
13. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 3: Сочинения. М., 1979.
14. *Чернявская В.Е.* От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань, 2002. С. 230–232.

15. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973.
16. *Abril H.* Sergueï Essénine. L'Homme noir (1910–1925). Choix, présentation et traduction de Henri Abril. Strasbourg, 2015.
17. Despax Jean-Luc (Aujourd'hui Poème, 63). URL: http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril (date of access: 07.08.2020).
18. Lequesne Paul (Le Monde des Livres, 2005). URL: http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril (date of access: 07.08.2020).
19. *Mouze Ch.* Sergueï Essénine. Poèmes 1910–1925. Paris, 2015.
20. *Tourguéniev Ivan*. Aufzeichnungen eines Jägers von Peter Urban. Mit einem Nachwort von Peter Urban. Zürich, 2004.
21. *Tourguéniev Ivan*. Aufzeichnungen eines Jägers. Neu übersetzt von Vera Bischitzky. München, 2018.
22. Varjac Victor (Panorama du livre, 2005). URL: http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril (date of access: 07.08.2020).

References

1. Arutyunova N.D. Discourse. Speech. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar*. V.N. Yarceva (ed.). Moscow, 2002. Pp. 136–137. (In Russ.)
2. Babkina E.S., Strelkova S.P. Features of the transfer of Russian-speaking realities into German (based on the stories of I.S. Turgenev "Notes of a Hunter" and their translations into German). *Vremya nauki*. 2018. No. 2. Pp. 40–49. (In Russ.)
3. Bischitzky V. "I consider it a great happiness of my life that I have brought my fatherland a little closer to the perception of the European public". Regarding the new translations of "Notes of a Hunter" (2018) and "First Love" (2018) into German. *I.S. Turgenev i russkij mir. Materialy mezhdunarodnoj konferencii k 200-letiyu pisatelya*, *29–31 oktyabrya 2018 g*. Moscow, 2018. Pp. 14–15. (In Russ.)
4. Borisenko Yu.A. Fiction discourse and translation. *Perevodcheskaya kommunikaciya v XXI veke*. *Diskursivnye aspekty perevoda kollektivnaya monografiya*. Izhevsk, 2019. Pp. 43–75. (In Russ.)
5. Vlahov S.I. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. 4th ed. Moscow, 2009. (In Russ.)
6. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Completed collection of works]. In 20 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 1997. (In Russ.)
7. Dobrovolsky B.D. Leksicheskie trudnosti perevoda v lingvokul'turnom aspekte (na materiale romana Kristy Vol'f «Medeya» i poemy Venedikta Erofeeva «Moskva-Petushki») [Lexical difficulties of translation in the linguocultural aspect (based on the novel by Christa Wolf "Medea" and the poem by Venedikt Erofeev "Moscow-Petushki")]. PhD theses. Moscow, 2009. (In Russ.)
8. Yesenin S.A. Polnoje sobranie sochineniy [Completed collection of works]. In 7 vol. Moscow, 1995–2002. (In Russ.)
9. Kafanova O.B. Turgenev – interpreter and translator of Gogol. *I.S. Turgenev*. *Novye issledovaniya i materialy*. Issue III. Moscow; St. Petersburg, 2012. Pp. 214–230. (In Russ.)
10. Ozhegov S.I. Slovar Russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. 10th ed. Moscow, 1973. (In Russ.)
11. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. Teoriya perevoda [Translation theory]. Nizhny Novgorod, 2001. (In Russ.)
12. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Completed collection of works and letters]. In 28 vols. Vol. 13: Letters. Moscow; Leningrad, 1968. (In Russ.)
13. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Completed collection of works and letters]. In 30 vols. Vol. 3: Works. Moscow, 1979. (In Russ.)
14. Chernyavskaya V.E. From text analysis to discourse analysis. *Tekst i diskurs*: *tradicionnyj i kognitivno-funkcionalnyj aspekty issledovaniya*. Ryazan, 2002. Pp. 230–232. (In Russ.)
15. Schweitzer A.D. Perevod i lingvistika [Translation and linguistics]. Moscow, 1973. (In Rus.)

16. Abril H. Sergueï Essénine. L'Homme noir (1910–1925). Choix, présentation et traduction de Henri Abril. Strasbourg, 2015.
17. Despax Jean-Luc. Aujourd'hui Poème, 63. URL: http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril
18. Lequesne Paul. Le Monde des Livres. 2005. URL: http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril
19. Mouze Ch. Sergueï Essénine. Poèmes 1910–1925. Paris, 2015.
20. Tourguéniev Ivan. Aufzeichnungen eines Jägers von Peter Urban. Mit einem Nachwort von Peter Urban. Zürich, 2004.
21. Tourguéniev Ivan. Aufzeichnungen eines Jägers. Neu übersetzt von Vera Bischitzky. München, 2018.
22. Varjac Victor. Panorama du livre. 2005. URL: http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril

Статья поступила в редакцию 20.10.2020, принята к публикации 30.11.2020
The article was received on 20.10.2020, accepted for publication 30.11.2020

Сведения об авторе / About the author

Кафанова Ольга Бодовна – доктор филологических наук; профессор кафедры педагогических инноваций и психологии, Санкт-Петербургский институт Бизнеса и Инноваций

Olga B. Kafanova – ScD in of Philology, Professor at the the Pedagogical Technologies and Psychology Department, Saint-Petersburg Institute for Business and Innovation

E-mail: olg_kaf@mail.ru